

НЕ ОТВЕЧАЙ

Десять страшных историй для ночи на 31 октября

Эл Фрей

Эл Фрей

**Хеллоуин. Американские
страшилки**

«Автор»

2026

Фрей Э.

Хеллоуин. Американские страшилки / Э. Фрей — «Автор», 2026

Десять страшных историй для ночи, когда граница между мирами истончается. Дом, который не отпускает жильцов. Лечебница, где звонит отключённый телефон. Кукурузное поле, шепчущее «ещё». Дети, которые каждый Хеллоуин стучатся в одну и ту же дверь. Мотель с зеркалом в комнате 217, ковен ведьм, ночное радио для мёртвых, бродячий цирк, забирающий лица, и лес, где давно пропавшая колония ждёт зрителей. Мрачные, атмосферные истории в духе «Американской истории ужасов»: у каждой своя тайна, свой кошмар и свой финал. Читайте при свете одной свечи. И если за спиной скрипнет половица, не оборачивайтесь сразу. Внимание: после прочтения вы можете остаться в зале.

© Фрей Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I. Дом на Мэйпл-стрит, 13	6
II. Лечебница Святой Агнессы	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Эл Фрей
Хеллоуин. Американские страшилки

I. Дом на Мэйпл-стрит, 13

Глава 1. Цена, которая должна была насторожить

Агент по недвижимости, миссис Дойл, улыбалась слишком широко. Меган заметила это ещё на парковке перед офисом, когда женщина вышла им навстречу с папкой в руках и с таким лицом, словно репетировала улыбку перед зеркалом всю прошлую неделю.

— Вы будете в восторге, — сказала она, пожимая Тому руку. — Это не дом. Это возможность.

Меган не любила слово «возможность». В её жизни оно всегда означало, что где-то спрятан подвох. Но они с Томом полгода платили за съёмную двушку в Колумбусе, где соседи сверху топали по ночам, а Лили просыпалась с криком от каждого грохота. Полгода они искали что-нибудь в пределах бюджета. И вот — Эшфорд, штат Огайо, городок с одним светофором, тремя церквями и ценами, от которых у Тома на лице появилось выражение человека, которому показали счёт со слишком малым числом нулей.

— Сто восемьдесят тысяч, — повторил он за рулём, пока они ехали по пустой дороге. — За викторианский особняк. С участком. Меган, так не бывает.

— Бывает, — отозвалась с заднего сиденья Лили, пятилетняя, в жёлтой куртке-дождевике, которую они купили ей накануне, когда внезапно хлынул ливень. — Если дом хочет, чтобы в нём жили.

Они переглянулись в зеркале заднего вида.

— Где ты это услышала, солнышко?

— Нигде. — Лили пожалала плечами и снова уставилась в окно. — Я просто знаю.

Меган решила не придавать этому значения. Дети в пять лет говорят много странного. Это называется воображением, и все детские психологи в блогах, которые она читала по ночам, твердили, что воображение нужно поощрять, а не пугаться его.

Дом показался в конце Мэйпл-стрит.

Он стоял на самом краю, там, где асфальт сменялся гравием, а гравий — сорной травой. Остальные дома улицы, аккуратные, с ухоженными газонами, с флажками на крыльцах, стояли чуть поодаль, словно держались на расстоянии. Номер тринадцать выглядел как зуб, который забыли вырвать: узкий, высокий, тёмно-серый, с островерхой башенкой, с резными карнизами, побуревшими от времени, с окнами, похожими на прищуренные глаза. Крыльцо опоясывало дом с трёх сторон, а на нём, на перилах, лежал слой пыли такой толстый, что казалось, будто его специально насыпали.

— Красавец, — выдохнул Том, и в голосе его прозвучало столько искреннего восхищения, что Меган на секунду устыдилась собственных сомнений.

— Построен в 1923-м, — затараторила миссис Дойл, поднимаясь по ступеням с ключами. — Семь комнат, три спальни, подвал, мансарда. Камин в каждой комнате. Оригинальные полы. Никаких проблем с проводкой, мы всё проверили. Электрик специально приезжал.

— Почему так дешево? — спросила Меган.

Миссис Дойл остановилась на крыльце. Всего на секунду. Но Меган успела заметить, как её плечи чуть поднялись, а улыбка стала шире, ещё шире, как у куклы с зафиксированным лицом.

— Прежние владельцы торопились уехать, — сказала она. — Срочный переезд, семейные обстоятельства. Вы же понимаете, как это бывает.

Меган не понимала. Но спросить, куда и почему торопились прежние владельцы, не успела: миссис Дойл уже открыла дверь, и из дома на них пахло прохладой, старым деревом и чем-то ещё, едва уловимым, сладковатым, как лаванда в бабушкином комоде.

Внутри оказалось светлее, чем они ожидали. Высокие потолки, паркет цвета тёмного мёда, лестница с резными балясинами, которая поднималась в полумрак второго этажа и там делала поворот, словно пряталась. Гостиная с камином из тёмного камня. Кухня с огромным окном на задний двор. На стенах — следы от картин, светлые прямоугольники на выцветших обоях. Мебели не было вовсе, кроме одного предмета: в углу гостиной стояло старое кресло-качалка, обитое выцветшим серым бархатом.

— Это... осталось? — спросил Том.

— Прежние владельцы не захотели забирать, — отозвалась миссис Дойл, не оглядываясь. — Можете выбросить, если мешает.

Меган подошла к креслу. Оно слегка покачивалось. Совсем чуть-чуть, на полдюйма вперёд и назад, как будто с него только что встали.

— Сквозняк, — сказала миссис Дойл прямо у неё за спиной, и Меган вздрогнула, потому что не слышала, как та подошла. — В старых домах всегда сквозняки.

Окна были закрыты. Меган это видела. Но кивнула.

Они купили дом в тот же день.

Потом, много позже, когда она будет вспоминать этот момент снова и снова, попытается понять, в какой именно миг всё можно было остановить, она поймёт: решение приняли не они. Решение приняла Лили. Пока взрослые стояли в гостиной и обсуждали цену, девочка вошла в дом, прошла по коридору, коснулась ладонью стены и произнесла вполголоса, обращаясь к пустоте:

— Привет. Мы приехали.

И дом, Меган готова была поклясться в этом на чём угодно, вздохнул. Глубоко, облегчённо, как вздыхает человек, который очень долго ждал и наконец услышал стук в дверь.

Глава 2. Первая неделя

Переезд занял два дня. Том арендовал грузовик, друг из Колумбуса помог перетащить диван и кровати, и к вечеру воскресенья дом перестал казаться чужим. Он наполнился коробками, голосами, запахом пиццы из картонной упаковки, которую они ели прямо на полу гостиной, при свете одной лампы без абажура.

Меган сидела, прислонившись спиной к стене, и смотрела, как Лили рисует цветными мелками на старом листе картона. Рисовала она то, что рисовала всегда: дом, солнце, людей в ряд. Но в этот раз людей было пятеро.

— Это мы, — пояснила Лили, заметив мамин взгляд. — Ты, папа, я.

— А ещё двое?

— Тётя и мальчик.

— Какая тётя?

Лили подняла голову. Глаза у неё были серьёзные, взрослые, не по возрасту внимательные.

— Которая здесь живёт. Она хорошая. Только грустная. У неё никого нет.

Меган почувствовала, как холодок пробежал по спине. Она сказала себе, что это игра. Что у детей бывают воображаемые друзья, и это нормально, и надо просто кивать и улыбаться. Она так и сделала. Но когда Лили заснула, Меган долго лежала без сна и слушала дом.

Старые дома разговаривают. Она знала это с детства: скрип половиц, постукивание труб, вздохи ветра в каминных трубах. Но в этом доме звуки были другими. Не случайными. Они шли с определённым ритмом, упорядоченно, как шаги. Тихие, размеренные шаги по коридору второго этажа, от лестницы к детской и обратно. Туда. Обратно. Туда. Обратно.

Утром Том сказал, что ничего не слышал. Он вообще был из тех людей, которые спят, как убитые, и Меган, глядя на него, ощутила то странное раздражение, которое женщина чувствует к спокойному мужу, когда сама на взводе.

— Труба, — сказал он, наливая кофе. — Я посмотрю.

Он посмотрел. Трубы были в порядке.

На третий день пропала кошка. Рыжая Мармеладка, которую они привезли с собой в переноске, ушла из дома через приоткрытую заднюю дверь, и Лили проплакала весь вечер. Утром кошка нашлась. Она сидела на подоконнике башенки, на третьем этаже, куда, как клялся Том, они не поднимались. Дверь в башенку была заперта снаружи на щеколду. Мармеладка смотрела на Меган немигающими жёлтыми глазами, и шерсть её была встопорщена, а хвост поджат. Кошка не шипела и не мяукала. Она просто дрожала мелкой дрожью. И смотрела в угол комнаты, где ничего не было.

Меган унесла её вниз, и кошка с тех пор не заходила на второй этаж. Ночевала только в кухне, под батареей, свернувшись клубком, и ни за какие лакомства её не удавалось выманить наверх.

На пятый день Том, вернувшись с работы, рассказал, что на заправке местный старик, узнав, где они поселились, перекрестился.

— Просто перекрестился, представляешь? Посмотрел на меня так, будто я сказал, что купил дом на кладбище. Я спросил, что не так. Он сказал: «Не оставайся там после заката дольше одного года».

— Что? — Меган отложила тарелку.

— Не знаю. Старик, наверное, выжил из ума. Но он повторил это дважды. «Один год. Не больше».

— Том.

— Меган. — Он взял её за руку. — Я понимаю, что здесь странно. Но мы вложили все накопления. Нам некуда возвращаться. Давай хотя бы подождём. Хотя бы месяц.

Она кивнула. Что ещё она могла сделать?

На шестой день они обнаружили, что часы в доме идут по-разному. Кухонные показывали полдень, когда настенные в гостиной — четверть первого. Часы в спальне стояли, и стрелки их замерли на 3:13. Меган завела их, сверила с телефоном, но на следующий день они опять показывали тринадцать.

На седьмой день, в воскресенье, они впервые услышали пение.

Они сидели за ужином. Том рассказывал о рабочих делах, Меган размешивала суп, а Лили, болтая ногами под столом, вдруг замерла, подняла голову и тихо сказала:

— Тётя поёт.

И действительно. Откуда-то сверху, из недр дома, полился тонкий женский голос. Без слов, одна мелодия, медленная, тягучая, колыбельная. Старая, из тех, что пели прабабушки в соломенных люльках. Мелодия поднималась и опускалась, как дыхание. Меган узнала её, хотя не могла вспомнить откуда. Что-то из детства. Что-то, что пела её собственная мать, когда укладывала спать.

Том встал. Лицо у него стало белым.

— Это радио, — сказал он. — Соседское. Через вентиляцию.

— Том.

— Это радио, Меган!

Пение оборвалось. В наступившей тишине слышно было только, как капает вода из крана, раз, два, три. Кап. Кап. Кап.

Лили вернулась к ужину и невозмутимо доела суп.

— Она не злая, — сказала девочка. — Просто ей одиноко.

Глава 3. Лестница

Через две недели Том привык. Или сказал себе, что привык. Это умение у мужчин развито лучше, чем у женщин: проглатывать тревогу, запихивать её куда-то глубоко, под рёбра, и жить дальше с ровной улыбкой. Он починил крыльцо, покрасил перила, вычистил водосточ-

ные желоба. Он ходил по дому с видом хозяина, который никому ничего не должен, и Меган, наблюдая за ним, думала: «Он боится сильнее меня. Просто не признаётся».

В подвал он спустился впервые в середине октября, за коробками с зимними вещами.

Подвал был старый, каменный, с низким потолком и единственным окошком под самым потолком, забитым паутиной. К нему вела деревянная лестница из тёмного дуба, узкая и крутая. Том зажёл фонарь, спустился, взял две коробки, поднялся и вышел на кухню с таким выражением лица, что Меган выронила половник.

— Что случилось?

— Ничего. — Он поставил коробки. Руки у него слегка дрожали. — Просто... считал ступени. На автомате. Привычка.

— И?

— Двенадцать. Когда спускался — двенадцать.

— А поднимался?

Том долго молчал, глядя на коробки.

— Тринадцать, — сказал он наконец. — Я считал вслух. Раз, два, три... Тринадцать, Меган. Тринадцать ступеней, когда поднимался. И последняя была... тёплая. Как будто на неё только что кто-то наступил босой ногой.

Она рассмеялась. Нервно, коротко, чтобы разрядить воздух.

— Ты просто сбился.

— Я считал дважды.

— Значит, сбился дважды.

Он кивнул. Но ночью, когда она проснулась в три часа, Тома рядом не было. Она нашла его в коридоре перед дверью в подвал. Он стоял в одних трусах и майке, босой, на холодном паркете, и смотрел вниз, в чёрный проём. В руке у него был карандаш. Он что-то писал на стене, на светлой краске у двери. Меган подошла ближе и увидела столбик цифр. Он считал. Спуск. Подъём. Спуск. Подъём. Двенадцать. Тринадцать. Двенадцать. Тринадцать.

— Том.

Он вздрогнул. Карандаш выпал из пальцев.

— Я... — Он потёр лицо. — Мне показалось, там кто-то стоит. На нижней ступеньке. Женщина. В сером.

Меган обняла его. Он был ледяной, словно простоял там несколько часов.

— Пойдём спать.

Утром она вымыла стену, и цифры исчезли. Но на светлой краске остался тонкий след, как от нажатия карандаша на бумагу, и если смотреть под углом, можно было прочесть: 13. Снова и снова, по всей стене, до самого плинтуса. Тринадцать, тринадцать, тринадцать.

И ещё одна вещь. Теперь Меган постоянно ловила себя на ощущении, что кто-то идёт следом. Не в доме, нет. На улице, по дороге в магазин, в аптеке, на школьной парковке. Это было смутное чувство взгляда в спину, тяжёлого, терпеливого. Оборачиваясь, она видела только пустую улицу. Но однажды, застёгивая Лили куртку у входа в детский сад, она подняла глаза на стеклянную дверь, и в её отражении, за собственным плечом, на мгновение увидела серое пятно. Женский силуэт. Лица не было видно. Только контур, как набросок углём.

Она обернулась. Никого.

В тот вечер Лили сказала, что тётя научила её новой песенке. Девочка спела её вполголоса, за рисованием, и Меган, слушая, замерла со стаканом в руке. Это была та самая мелодия. Та самая колыбельная. Но теперь у неё появились слова:

Не уходи, не уходи, В моём доме ты погости, Двери закрыты, окна темны, Мы не расстанемся с тобой, пока не...

— Лили, — осторожно спросила Меган. — Какое слово дальше?

Девочка пожала плечами.

— Тётя не говорит. Она просто улыбается и качает головой.

Глава 4. Фотографии

Кладовку под лестницей они обнаружили в конце октября, когда Меган наконец добралась до разбора вещей. За дверцей, замаскированной под обшивку стены, обнаружилась небольшая ниша, в которой лежал плоский ящик из потемневшего дерева с железными уголками. Не заперт. Внутри — стопка старых фотографий.

Меган вытащила их, разложила на кухонном столе. Лили сидела рядом на высоком стуле, болтая ногами. Мармеладка дремала на подоконнике, но при виде фотографий приоткрыла один глаз и тихо, угрожающе зашипела.

Фотографии были чёрно-белыми, потом коричневыми, потом выцветшими цветными. Все они были сняты на крыльце этого дома. Меган узнала резные перила, узкую входную дверь. На первой стояла семья: мужчина в тёмном костюме, женщина в длинном платье, двое детей, мальчик и девочка, в одинаковых матросках. На обороте карандашом выведено: *Мэтисон. 1923.*

На следующей — другая семья. Мужчина с усами, полная женщина, трое ребят. *Годффри. 1938.* Потом *Райт. 1951.* Потом *Бейкер. 1964.* Потом *Холлоуэй. 1978.* Потом *Нельсон. 1994.*

Все семьи стояли в ряд, улыбались, шутились на солнце. Обычные. Счастливые. Меган перебирала карточки, и ей казалось, что она листает чей-то альбом, чей-то странный семейный календарь, где каждая страница — новая жизнь на одной и той же сцене.

Потом она заметила.

На каждой фотографии, с самого края, на границе кадра, стояла женщина. Серое платье в пол, серый платок на плечах, светлое лицо, размытое, словно снятое с длинной выдержкой. Женщина не улыбалась. Она просто стояла, чуть в стороне, и смотрела не в камеру, а на семью.

На фотографии 1923 года она стояла в трёх шагах от семьи Мэтисонов. На фотографии 1938-го — в двух. В 1951-м — уже почти вплотную к девочке в белой косынке. На снимке 1978 года она положила руку на плечо мальчику. К 1994 году серая фигура стояла прямо среди членов семьи, склонившись над самым маленьким из них, девочкой лет пяти.

Меган подняла последнюю фотографию к свету. Девочка была в жёлтой куртке. Жёлтый плащ-дождевик с капюшоном и двумя оранжевыми пуговицами. Такой же висел сейчас в прихожей у Лили.

— Мы же купили её в магазине, — прошептала Меган. — В «Таргете». Она была новая. С бирками.

Лили слезла со стула, подошла к столу, посмотрела на снимок и совершенно спокойно сказала:

— Это Эмили. Она теперь в доме. Тётя говорит, что она хорошая девочка и больше не плачет.

— Лили. — Голос Меган сорвался. — Лили, посмотри на меня. Кто тебе всё это рассказывает?

Девочка взяла мамину руку обеими ладошками.

— Мамочка, не бойся. Они все добрые. Они просто хотят, чтобы мы остались.

Глава 5. Миссис Куин

Соседка появилась на следующее утро, будто кто-то сверху толкнул её по направлению к калитке.

Меган как раз вытряхивала коврик на крыльце, когда увидела её: маленькую сухую женщину лет восьмидесяти, в вязаной кофте цвета овсянки, с палкой, на которую она опиралась с таким видом, словно та была не опорой, а оружием. Она остановилась у забора и долго, очень долго смотрела на дом. Не на Меган. На дом. Как смотрят на пациента в реанимации, когда уже понимают исход.

— Доброе утро, — осторожно сказала Меган.

— Вы новенькие. — Голос у женщины был скрипучий, но неожиданно твёрдый. — Хейлы. Вас трое. Муж, дочка. Я видела.

— Да. Мы... — Меган спустилась на ступеньку. — А вы...

— Дороти Куин. Дом четырнадцать. — Старуха ткнула палкой в сторону аккуратного белого домика напротив. — Живу здесь шестьдесят один год. Всё видела. Всех провожала. Вы — седьмые.

— Седьмые?

— Седьмая семья, милая. С тех пор, как я здесь. А до меня были другие.

Меган почувствовала, как у неё пересохло во рту.

— Я нашла фотографии, — сказала она, и сама не поняла, зачем это говорит. — В кладовке. Там... семьи. И женщина в сером.

Миссис Куин закрыла глаза. Постояла так мгновение. Потом открыла и сказала очень тихо:

— Зайдите ко мне. Одна. Без ребёнка. Сегодня, пока муж на работе. И запомните: когда будете переходить дорогу, не оглядывайтесь. Что бы вы ни слышали за спиной.

В доме миссис Куин пахло яблочным пирогом и лекарствами. На стенах — десятки фотографий в рамках: дети, внуки, правнуки, свадьбы, пикники. Жизнь, прожитая полностью, до дна. Меган села на диван, взяла чашку чая и вдруг ощутила острую зависть к этой хрупкой старухе: у неё было что вспоминать, и ничего не нужно было бояться.

— Её звали Элеонор Вос, — начала миссис Куин, разливая чай дрожащими руками. — Это я узнала от прежней соседки, Мэри Бейкер, которая жила здесь до меня. А Мэри узнала от своей бабки. История передаётся из уст в уста, потому что в газетах о ней ничего нет. Город постарался.

— Что она сделала?

— Ничего. В том-то и дело. Она ничего не сделала. Это с ней сделали.

Её голос стал ровным, певучим, как у человека, который в сотый раз пересказывает давно заученную сказку.

— В тысяча девятьсот двадцать втором Элеонор Вос приехала в Эшфорд из Бостона. Вдова. Муж её, судья, умер от лёгких. С ней были двое детей: мальчик Томас восьми лет и девочка Вирджиния четырёх. Она купила этот участок, потому что он был дешёвым и далёким от города. Люди тогда не любили Мэйпл-стрит, говорили, что земля здесь дурная, что в ней что-то лежит. Какое-то старое захоронение. Индейское, говорили одни. Другие шептали — ещё хуже.

Меган слушала, не мигая.

— Дом строили полтора года. Построили. Они въехали в сентябре двадцать третьего. А в октябре, накануне Дня всех святых, дети заболели. Дифтерия. В те времена от неё умирали как мухи. Врач приходил три раза, ничего не помогало. Двадцать девятого октября умер Томас. Тридцатого — Вирджиния. Элеонор закрылась в доме и не открывала дверь трое суток.

— Господи.

— Тридцать первого к ней пришли соседи. Принесли еды, соболезнования. Дверь была открыта. Внутри — тишина. Элеонор сидела в кресле-качалке в гостиной, того самого серого бархата, что и сейчас там стоит, и укачивала на руках... — Миссис Куин сглотнула. — Ничего. Пустое одеяло. Она пела колыбельную. Они позвали её по имени. Она не ответила. Они подошли ближе. И тогда она подняла глаза и сказала: «Вы пришли. Хорошо. Теперь нас много».

— Что это значило?

— Никто не знает. Но в ту же ночь в доме пропали все, кто к ней пришёл. Шесть человек. Трое мужчин, три женщины. Ни следов, ни тел. Дверь заперта изнутри. Окна целые. Остались только их шляпы на вешалке. Аккуратно повешенные. Рядком.

Меган вздрогнула. Чашка в её руках звякнула о блюдце.

— Через год в доме поселилась семья Мэтисонов. Приезжие, ничего не знали. И с ними началось то же самое. Всё то же самое, милая. Скрипы, шаги, песни в темноте. Они прожили здесь ровно год. В день, когда исполнился год, на Хеллоуин, ночью... — Миссис Куин развела руками. — Ничего. Тишина. Утром сфотографировались на крыльце. Для памяти. Фотограф рассказывал потом, что в кадре были пятеро. Он считал. Мэтисон, жена, двое детей. И пятая. Он видел её глазами, а она улыбалась. А когда проявил плёнку — улыбались уже все. Все пятеро, не только она. И глаза у них были, как стекло.

— И что с ними стало?

— Они остались, — сказала миссис Куин. — Мэри Бейкер клялась, что видела Мэтисонов в окнах башенки каждый Хеллоуин. Сорок лет подряд. Они стояли, как манекены. Махали ей. Улыбались. А рядом всегда стояла она.

У Меган застучали зубы.

— Почему... почему никто не расскажет? Почему агент не сказала?

— Потому что агент, — миссис Куин усмехнулась беззлобно, горько, — один из лучших людей, которых я знаю. И худший. Приходите завтра. Я покажу вам газеты. А пока запомните три вещи.

Она подняла три сухих пальца.

— Первое. Она берёт семьи. Не людей, а семьи. Ей нужна не добыча, а *дом*. Многодетная, полная. Она одинока, понимаете, и хочет, чтобы у неё была семья.

— Второе. Она берёт на Хеллоуин. Только в эту ночь граница тонка, как папиросная бумага. В остальные дни она бессильна. Она может скрипеть, шептать, пугать. Но не может тронуть.

— Третье. Она нуждается в приглашении. Ребёнок, живой ребёнок, должен впустить её. Сказать «привет», или «мы приехали», или что-то вроде. Тогда она получает право.

Меган прижала ладонь ко рту.

— Лили сказала это в день, когда мы приехали. Она сказала дому: «Привет. Мы приехали».

Миссис Куин медленно кивнула.

— Тогда у вас есть время до тридцать первого октября. Двадцать три дня. И я бы, милая, не тратила их на разбор коробок.

Глава 6. Библиотека

Городская библиотека Эшфорда размещалась в бывшей церкви с двумя шпилями, один из которых давно обвалился и теперь лежал на лужайке огромным каменным пальцем. Внутри пахло мышами и пылью. Библиотекарь, молодая девушка в больших очках, листала что-то на телефоне и даже не подняла головы.

Меган попросила газеты за 1923 и 1924 годы. Девушка пожала плечами, махнула рукой в сторону подвала.

В подвале оказались микрофильмы. Меган просидела там четыре часа, при свете настольной лампы, перебирая бобины. Газета называлась «Эшфордский вестник», и первое, что она отметила, — полное отсутствие упоминаний об Элеонор Вос. Ни некролога детей. Ни заметки об исчезновении шестерых. Только скупая строчка в хронике за 1 ноября 1923 года: «Шесть жителей города отбыли по семейным делам. Дом на Мэйпл-стрит, 13, закрыт».

Город действительно «постарался». Но она нашла другое. Список жильцов, сохранившийся в архиве местного отдела регистрации. И по этим спискам она восстановила хронику:

1923 — Мэтисоны (4 чел.). Выехали в 1924. 1938 — Годффри (5 чел.). Выехали в 1939. 1951 — Райты (4 чел.). Выехали в 1952. 1964 — Бейкеры (3 чел.). Выехали в 1965. 1978 — Холлоуэй (5 чел.). Выехали в 1979. 1994 — Нельсоны (4 чел.). Выехали в 1995.

Каждая семья пробыла в доме ровно год. И каждая «выехала». Меган просмотрела регистрацию новых адресов. Адресов не было. Ни одного. Все семьи исчезли из реестров в тече-

ние трёх месяцев после «выезда». Ни налоговых деклараций, ни медицинских карт, ни свидетельств о смерти.

Ей стало дурно. Она подошла к стойке, попросила воды. Девушка в очках впервые подняла глаза.

— Вы из тринадцатого? — спросила она.

— Откуда вы...

— Вы просили газеты про Мэйпл-стрит. Мы такие не выдаём просто так. Люди приходят раз в пять лет. Из дома. Всегда ищут одно и то же.

— И что вы им говорите?

Девушка посмотрела на неё с жалостью, настоящей, искренней.

— Что надо было уезжать до того, как ребёнок заговорил с домом.

Меган вышла на улицу, и серый октябрьский воздух ударил её в лицо, как пощёчина. Она села в машину и несколько минут просто дышала, уставившись на руль. Потом вынула телефон и набрала номер агентства. На третий гудок трубку взяли.

— Агентство «Дойл и партнёры», слушаю вас.

— Это Меган Хейл. Мне нужна миссис Дойл.

— Минуточку.

В трубке повисла тишина, долгая, плотная. Потом послышался шорох, и знакомый голос, на этот раз без привычной бодрости, усталый, глухой, сказал:

— Вы нашли фотографии.

— Вы знали! — Меган сжала телефон так, что побелели пальцы. — Вы всё знали и продали нам этот дом!

— Я говорила вам, что цена смешная. Я говорила, что прежние хозяева торопились. Я старалась намекнуть. Но закон запрещает мне рассказывать о «паранормальных явлениях» в объекте недвижимости, потому что иначе я потеряю лицензию.

— Вы чудовище.

— Да, — тихо сказала миссис Дойл. — Наверное.

Повисла пауза. Где-то на заднем плане у неё тикали часы.

— Меган. Скажите, а у вас есть дочь?

— Это вас не касается.

— Пять лет? Голубые глаза? Жёлтая куртка, которую она не снимает?

Меган окаменела.

— Откуда вы...

— Я видела её на фото в объявлении, которое вы заполняли на покупку. Вы указали «семья из трёх человек». Мне хватило.

— Хватило для чего?

Миссис Дойл долго молчала. А когда заговорила, голос её изменился. Из него ушла профессиональная вежливость, и осталась голая, дрожащая правда.

— В 1994 году моя фамилия была Нельсон. Кэрол Нельсон. У меня было две дочери. Старшая, Джессика, четырнадцати лет. И младшая, Эмили. Пять. Мы купили этот дом, потому что он был дешёв, а муж только что потерял работу. Мы прожили там десять месяцев. На одиннадцатом я поняла, что именно происходит. Я пыталась увезти детей. Джессику удалось вывезти. А Эмили...

Она оборвала фразу. Меган услышала в трубке сдавленный всхлип.

— Эмили была слишком привязана к ней. К тёте. Она отказалась выходить за порог. Просто села в прихожей на пол и сказала: «Я не пойду. Мне там хорошо». Пять лет. Пять, Меган! Я потащила её за руку, а она закричала так, как не кричат дети. Из её рта вышел чужой голос. Женский. И сказал: «Оставь. Она моя».

Меган слушала, не дыша.

— Я убежала, — прошептала миссис Дойл. — Я убежала, потому что должна была спасти старшую. Муж не вынес. Через три года мы развелись. Он спился и умер. Я осталась одна. И с тех пор... с тех пор я продаю этот дом.

— Зачем?!

— Потому что Эмили теперь тоже там. И она одинока. А тётя, понимаете, не отпускает тех, кого забрала, пока... — Голос оборвался. — Пока не наберётся нужное число. Я думала, если кормить дом семьями, он насытится. Он отпустит её. Хотя бы её. Я продала его шесть раз. Шесть семей. И каждый раз надеялась. Каждый раз.

— Вы продавали людей! — закричала Меган так громко, что прохожий на тротуаре обернулся. — Вы знали, что с ними будет!

— Я знала, — просто сказала Кэрол Дойл. — И продолжала. Я не прошу прощения. Но вы можете выжить, Меган. Вы единственная, у кого есть шанс.

— Какой шанс?

— Не дайте ей собрать вас вместе. Увезите дочь. Пока можно. И никогда, слышите, никогда не возвращайтесь.

Связь оборвалась.

Меган сидела в машине и смотрела на своё отражение в лобовом стекле. Бледное, с дрожащими губами. За её плечом, на заднем сиденье, ей почудилось едва заметное движение. Серое, бесформенное. Она резко обернулась.

Сиденье было пустым. Но на стекле, изнутри, медленно проступил отпечаток маленькой детской ладони. Размером с ладонь пятилетней девочки.

Глава 7. Решение

Том не поверил.

Она рассказала ему всё в тот же вечер, на кухне, шёпотом, пока Лили спала в детской. Про миссис Куин. Про фотографии. Про Кэрол Дойл. Про исчезнувшие семьи. Том слушал, не перебивая, с каменным лицом. А когда она закончила, медленно поставил кружку на стол и сказал:

— Меган. Послушай себя.

— Том...

— Ты живёшь в стрессе. Мы оба. Переезд, деньги, новая школа. Я понимаю. Но дом — это дом. Дерево, кирпич, трубы. А старушки, которые рассказывают сказки про привидений, есть в каждом городе.

— Ты же сам считал ступени!

— Я ошибся.

— Двенадцать и тринадцать. Двенадцать и тринадцать. Ты написал это на стене двести раз!

Том замолчал. Лицо его дёрнулось. Он потёр виски, и Меган увидела, что у мужа красные глаза и посеревшая кожа. Он тоже не спал. Он тоже слышал. Он просто упорно отказывался.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Допустим. Допустим, ты права. Что ты предлагаешь? Уехать? Мы вложили в этот дом все деньги. Продать его мы не сможем: он никому не нужен. Квартиру в Колумбусе сдали. У нас нет ничего, кроме этого дома, Меган.

— Мы можем снять комнату в мотеле.

— На что? На две тысячи долларов на счёте?

— Том, речь идёт о жизни Лили!

Он вскочил.

— Не смей, слышишь? Не смей говорить мне, что я не думаю о дочери!

Они стояли друг напротив друга, оба на пределе, оба напуганные. Где-то наверху скрипнула половица. Они оба замолчали.

Меган первой нарушила тишину.

— Давай уедем на Хеллоуин, — сказала она тихо. — Просто на неделю. К твоей маме в Кливленд. Если ничего не случится, я признаю, что ошиблась, и мы вернёмся.

Том долго смотрел на неё. Потом выдохнул.

— Хорошо. Двадцать восьмого уезжаем. Вернёмся третьего ноября.

Он обнял её. Меган прижалась к его груди, и ей на мгновение показалось, что всё будет хорошо. Что они справятся. Что это обычный кризис, какие бывают у всех молодых семей. Она закрыла глаза.

И услышала, как за стеной, там, где по плану дома ничего нет, кто-то тихо, довольно рассмеялся.

Глава 8. Двадцать восьмое

Машина не завелась.

Утром двадцать восьмого, когда они втроём вышли на крыльцо с рюкзаками и сумками, старенький «Форд» стоял у калитки, и из-под капота шёл тонкий белый дымок. Том открыл крышку, заглянул внутрь, выругался. Аккумулятор был полностью разряжен. Хотя вчера вечером он работал.

— Вызовем эвакуатор, — сказал он, доставая телефон. Телефон показывал «Нет сети».

Дома стационарный телефон тоже молчал. Интернет отключился. Свет мигал. Они прошли по соседям. Дом номер двенадцать пустовал. Дом номер четырнадцать, миссис Куин, оказался заперт, на двери висела записка: *Уехала к дочери. Вернусь после праздника*. Почерк был ровным, аккуратным. Но Меган вдруг вспомнила: вчера старуха была дома и никуда не собиралась.

Они пошли пешком. До города — восемь миль по пустому шоссе. Том нёс Лили на плечах. Меган шла рядом, сжимая в кулаке ручку чемодана. Серое небо давило на землю, как крышка кастрюли. Ветер дул им в лицо, холодный, сырой, пахнувший лавандой.

Проходя мимо кукурузного поля, Меган заметила, что начало смеркаться. А ведь было только одиннадцать утра.

— Том, — позвала она. — Мы далеко ушли?

Он остановился. Оглянулся. И его лицо изменилось.

Позади них, в конце дороги, ровно там, где они стартовали, стоял дом номер тринадцать. Высокий, тёмный, с башенкой и окнами-глазами. Они прошли, по ощущениям, не меньше мили. Но дом был таким же близким, как в первую секунду. Ни на шаг дальше.

— Это невозможно, — сказал Том.

Они пошли быстрее. Потом побежали. Лили на плечах Тома начала хныкать. Улица тянулась перед ними, прямая, пустая, окутанная серым туманом. Ориентиры плыли: вот столб с табличкой «Мэйпл-стрит», вот дерево с ржавым почтовым ящиком, вот флажок на пустом доме. И снова столб. И снова дерево. И снова флажок. Как будто кто-то бесконечно прокручивал одну и ту же плёнку.

Через час они остановились. Том опустил Лили на землю и упёрся ладонями в колени. Он дышал, как загнанный зверь. Меган стояла рядом и не могла отвести глаз от дома. Он был здесь. Всегда здесь. С каждым их шагом он как будто становился больше, ближе, а они — меньше.

— Тётя сказала, что мы можем гулять, — тихо произнесла Лили. — Но дальше калитки нельзя. Пока не придёт время.

— Какое время? — хрипло спросил Том.

Девочка посмотрела на него снизу вверх, и в её глазах, ясных, голубых, на секунду мелькнуло что-то чужое. Старое. Усталое.

— Хеллоуин, папа. Сегодня двадцать восьмое. Осталось три дня.

Они вернулись домой пешком. Дорога обратно заняла две минуты.

Глава 9. Три дня

После неудачного побега что-то в доме переменялось. Он перестал притворяться.

Первой это почувствовала Меган. Утром двадцать девятого она спустилась на кухню и обнаружила, что стол накрыт. Ровно на пятерых. Пять тарелок, пять вилок, пять стаканов с молоком. Посреди стола стоял пирог, румяный, ещё тёплый, с корочкой в виде решётки. Пахло ванилью и корицей.

Она не пекла пирог. Том не пёк. Лили, разумеется, тоже.

— Это не мы, — сказала она вслух, и собственный голос показался ей чужим.

Пирог выглядел так аппетитно, что слюна заполнила рот. Меган с ужасом поймала себя на том, что тянет руку к ножу. Она отёрнула её, как от раскалённой плиты. Миссис Куин успела сказать накануне: *ничего не ешь, что не принесла сама*. Но вспомнила Меган об этом лишь сейчас.

Пирог она выбросила в мусорный бак на заднем дворе. А когда вернулась, он снова стоял на столе. Целый. Нетронутый. Тёплый.

Том сломался на второй день.

Он больше не спорил, больше не говорил «это сквозняк». Он сидел в гостиной в кресле-качалке, том самом, из серого бархата, раскачивался взад-вперёд и смотрел в стену. Меган пыталась тянуть его оттуда, но он отмахивался, как от мухи. Лицо его стало мягким, пустым, а на губах застыла тихая, чужая улыбка.

— Том, вставай.

— Здесь хорошо, — сказал он ровным, певучим голосом. — Здесь тепло. Мне больше никуда не надо идти.

— Том!

Она ударила его по щеке. Он не вздрогнул. Только повернул голову и посмотрел на неё с лёгким удивлением, как смотрят на незнакомого человека, который по ошибке заговорил с тобой в очереди.

— Не надо, — сказал он. — Тебе тоже скоро станет хорошо.

Меган отскочила. Она понимала: это не Том. Это та, что говорит его голосом. Она уже внутри. Она уже начала собирать семью по частям. Сначала мужа. Потом дочь. Потом её.

Она схватила Лили на руки и выбежала на крыльцо. Девочка не сопротивлялась. Она держалась за мамину шею и тихо, ровно дышала ей в ухо.

— Мамочка, не бойся, — снова сказала она. — Тётя добрая. Она просто хочет, чтобы мы были вместе. Разве это плохо — быть вместе?

Меган посмотрела в лицо дочери. В голубых глазах, которые она знала лучше собственных, плавал туман. Взгляд был спокойным, мягким, как у человека, которому дали сильное снотворное. Она крепче прижала девочку к себе и впервые за все эти недели заплакала. Беззвучно, без всхлипов, слёзы текли сами.

В окне второго этажа, прямо над крыльцом, показалась фигура. Женская, высокая, в сером платье. Лицо по-прежнему расплывалось, как на фотографиях. Но на этот раз Меган увидела её руки. Тонкие, длинные, бледные. Они были сложены на груди, как у людей, готовящихся к долгому ожиданию.

И она улыбалась. Впервые Меган различила черты: тонкие губы, чуть приподнятые в уголках. Улыбка была не злой. Хуже. Она была бесконечно терпеливой.

— Ты ведь не хочешь причинить ей вред, — прошептала Меган, глядя вверх. — Ты просто хочешь вернуть своих детей. Томаса и Вирджинию. Но они умерли, Элеонор. Они умерли сто лет назад. Эти люди не твои дети.

Фигура не шелохнулась. Но по спине Меган пробежал ветер, ледяной, живой, шелестящий, как шёпот сотни голосов. И в этом шёпоте она различила слова:

Все дети мои. Все, кто остаётся. Все, кто ночует под этой крышей.

— Они не вещи!

Они не уйдут. Никто не уходит. Я так долго была одна.

На дорожке у крыльца затормозила машина.

Это была обшарпанная «Тойота» цвета мокрого асфальта. Из неё выбралась женщина лет пятидесяти пяти, высокая, в тёмном плаще, с лицом, которое Меган узнала не сразу. Кэрол Дойл больше не улыбалась. Она выглядела постаревшей на десять лет. Волосы растрёпаны, глаза запавшие, но взгляд твёрдый, как у человека, принявшего окончательное решение.

— Я сказала, что мне нечего вам предложить, — произнесла она, подходя к крыльцу. — Я лгала. У меня есть кое-что. И, кажется, пришло время.

Глава 10. Ночь на тридцать первое

План был прост. Кэрол изложила его на заднем дворе, у забора, вполголоса, чтобы их не услышали окна.

— Вы думаете, ей нужны именно вы, — говорила она, нервно сцепляя пальцы. — Нет. Ей нужны *дети*. Живые, из плоти. Но не потому, что она их убьёт. Она хочет заменить своих. Воссоздать семью. Чтобы кто-то снова называл её «мамой».

— Но Лили...

— Лили — ключ. Она пригласила её. Но приглашение может забрать только тот, кто его дал. Или тот, кто имеет на то право. Мать.

— Я мать Лили!

— Да. Но ребёнка надо уговорить забрать слово *добровольно*. А она не станет слушать вас, пока рядом дом. Ей нужно что-то сильнее. Тоже мать. Мать, которую ребёнок помнит.

Меган недоумённо нахмурилась. Кэрол выдохнула.

— Эмили здесь, — сказала она. — Моя дочь. Тётя держит её в доме тридцать лет, потому что девочка сама не захотела уйти. Но она слышит меня. Я знаю, что слышит. Каждый год, в ночь на тридцать первое, я прихожу под эти окна, и она стучит мне в стекло. Я не могла войти. Знала: если войду, меня тоже заберут. Но теперь...

Она расстегнула плащ. Под ним, на ремне, висела старая жестяная коробка из-под печенья.

— Это её игрушки. Платице. Мишка. Заколка. Всё, что осталось. Я пронесу это в дом. Эмили выйдет ко мне. Она *вспомнит*. Дети, когда их зовёт родная мать, не могут не откликнуться. Это сильнее любой магии. А вы, пока она отвлечёт тётю, заберёте Лили и уйдёте.

— Вы идёте на смерть.

— Я иду к дочери, — сказала Кэрол. — Я опоздала на тридцать лет. Лучше опоздать, чем не прийти вовсе.

Они дождались темноты.

В девять вечера, когда последние лучи ушли за кукурузное поле, дом словно вздохнул. Зажглись окна. Все, один за другим, мягким тёплым светом, как в уютном домашнем вечере. Из труб потянулся дымок. На крыльце появились резные тыквы с горящими глазницами, которых там, готова была поклясться Меган, ещё минуту назад не было.

И запела колыбельная. Теперь уже во весь голос, прекрасная, нежная, как шёпот матери над кроваткой. Она лилась отовсюду: из стен, из пола, из зеркал.

Том вышел на крыльцо. В белой рубашке, причёсанный, со стеклянным лицом.

— Заходите, — сказал он мягко. — Все ждут. Стол накрыт.

За его спиной, в прихожей, стояли они. Шестеро, потом десять, потом больше. Мэтисоны. Годфри. Райты. Бейкеры. Холлоуэи. Нельсоны. Целая шеренга молчаливых бледных людей в одежде разных эпох. Матросский костюмчик, твидовый пиджак, джинсовая куртка восьмидесятых. Они держались за руки. Улыбались. И во всех глазах отражалось одно и то же: тусклая, бесконечная радость заблудившихся детей, которым наконец разрешили остановиться.

Между ними, в жёлтой курточке, стояла девочка лет пяти. Эмили.

Кэрол сделала шаг. Потом второй. Меган видела, как дрожит её спина. Как рука с жестяной коробкой тянется вперёд, словно на ощупь.

— Эмили, — позвала Кэрол. — Эмми. Это мама. Я пришла.
Девочка не шелохнулась.

— Я знаю, что ты меня слышишь, — голос Кэрол сорвался. — Я знаю. Прости меня. Прости, что оставила. Я была трусом. Ты была маленькая, а я испугалась. Я не должна была. Я никогда не прощу себе. Но я здесь. Я пришла за тобой.

Снова тишина. Потом девочка повернула голову. Глаза, огромные, чёрные, без зрачков, смотрели на женщину так, будто видели её впервые. Но уголок рта дрогнул.

— Мама? — тихо спросила Эмили.

— Да, милая. Это я.

Серебряная нить колыбельной вдруг оборвалась. Дом замолчал. Огни померкли. Кто-то в глубине коридора коротко, по-звериному взвыл.

И тогда на пороге появилась она.

Элеонор Вос стояла в дверях, ростом выше Тома, тонкая, прямая, как колонна, с серым платком на плечах и лицом, которое теперь можно было разглядеть. Очень красивая когда-то. Усталая. С глубокими, как колодцы, глазами, в которых плескалось столетнее горе.

— Она моя, — сказала Элеонор. Голос её был низкий, певучий, и от него дрожали стёкла.
— Все они мои.

— Она не твоя дочь, — выдохнула Кэрол. — У тебя были свои. Томас. Вирджиния. Они хотят покоя, Элеонор. Ты держишь их здесь, да? Не этих. Своих. Ты тоже их не отпускаешь. Они сами ушли бы, если бы ты позволила.

Лицо призрака дрогнуло. Что-то мелькнуло на нём. Растерянность? Боль? Меган, затаив дыхание, прижимала к себе Лили и отступала к калитке. Девочка в её руках вдруг зашевелилась, подняла голову.

— Мама, — прошептала она. — Мама, тётя плачет.

— Я знаю, солнышко.

— Она хочет, чтобы я сказала «до свидания». Но не знает как.

Меган присела, взяла лицо дочери в ладони.

— Лили. Слушай меня. Ты сказала дому «привет». Это было вежливо. Но теперь ты можешь сказать «до свидания». Скажи ей. Громко. Скажи, что мы уходим.

Лили смотрела на неё секунду, две, три. Потом повернула голову к дому. Элеонор по-прежнему стояла на крыльце, а вокруг неё, держась за руки, собирались дети. Шестеро. Десять. Двадцать.

— До свидания, — сказала Лили звонко и чётко. — Спасибо за пирог. Мы уходим.

Воздух взорвался.

Крик, женский, нечеловеческий, пронёсся над улицей, и все окна дома одновременно разлетелись брызгами стекла. Ветер рванул со всех сторон. Меган схватила дочь и бросилась к машине Кэрол. Том, прежний Том, живой, сбросил оцепенение и побежал за ними, спотыкаясь, словно пробуждаясь от сна. Они добежали, упали на сиденья. Меган, трясущимися руками повернула ключ, брошенный Кэрол в замке зажигания.

Мотор завёлся с первой попытки.

Она нажала на газ. В зеркале заднего вида дом разгорался красным светом, как раскалённая печь. На пороге Кэрол Дойл стояла на коленях и обнимала маленькую девочку в жёлтой курточке. Эмили плакала, прижималась лицом к материнской груди. А вокруг них, плотным кольцом, стояли остальные: семьи, исчезнувшие за сто лет. Они смотрели на мать и дочь без злобы, без улыбки. С тихой, звериной тоской.

Элеонор Вос склонилась над Кэрол и положила на её плечо руку.

Меган отвернулась. Больше она не смотрела.

Глава 11. Эпилог

На рассвете они остановились на заправке в пятидесяти милях от Эшфорда. Том вышел купить кофе. Меган сидела на заднем сиденье, обнимая спящую Лили, и смотрела, как за стеклом встаёт зимнее, бледное солнце.

Позже они узнали: дом на Мэйпл-стрит, 13, сгорел дотла той ночью. Пожарные приехали через сорок минут и ничего не нашли. Ни тел, ни обугленных костей. Только лестница в подвал, нетронутая, из тёмного дуба. Двенадцать ступеней. Они пересчитали их трижды.

Кэрол Дойл числилась пропавшей без вести.

Миссис Куин, вернувшись «от дочери» первого ноября, на вопрос журналиста лишь пожала плечами и сказала: «Ну вот. Наконец-то». И закрыла дверь.

Хейлы переехали в Айову. Купили небольшой уютный дом на тихой улице, с белым штатетником и яблоней во дворе. Меган нашла работу в школьной библиотеке. Том устроился на склад. Лили пошла в первый класс и перестала рисовать людей в ряд.

Прошёл год.

На второй Хеллоуин в их новый дом пришли дети за конфетами. Меган, стоя на крыльце с вазой «Сникерсов», раздавала лакомства ведьмам, пиратам и динозаврам. Лили, в костюме жёлтого цыплёнка, тоже бегала по соседям.

Когда стемнело и поток гостей иссяк, Меган вернулась в дом и обнаружила, что Лили сидит в гостиной на ковре и рисует. Мелками. Привычное занятие.

— Что рисуешь, солнышко?

— Наш новый дом, — сказала девочка. — И нас.

Меган наклонилась. На листе было три фигурки: она, Том, Лили. Дом с яблоней. Солнце. Всё обычное, милое, детское. Только в самом углу листа, на границе рисунка, стояла четвёртая фигура. Тонкая, высокая, нарисованная серым карандашом.

— А это кто? — спросила Меган, чувствуя, как холодеет под сердцем.

Лили подняла голову. В голубых глазах мелькнуло спокойное, доброе, чуть усталое выражение.

— Это тётя. Она просила передать, что ей было очень приятно у нас в гостях. И что она нашла новый дом.

— Какой дом?

Лили пожала плечами и вернулась к рисунку.

— Не знаю. Она говорит, что скоро узнаем. Там много детей.

В ту же секунду на улице хлопнула калитка. Меган подошла к окну. За стеклом шёл тихий, мелкий дождь. А у самого забора, в кругу света от уличного фонаря, стояла маленькая фигурка в жёлтом дождевике. Девочка лет пяти. Она смотрела на дом, и на лице её, спокойном, бледном, было написано что-то такое, от чего у Меган подкосились колени.

Это была не Лили. Лили сидела за её спиной, на ковре.

Девочка у забора помахала ей рукой. Потом повернулась и пошла по улице, к соседнему дому, где в окнах горел тёплый, приветливый свет и звучал детский смех.

Меган закрыла шторы. Долго стояла, прижавшись лбом к холодному стеклу. А потом достала телефон и набрала номер, который знала наизусть.

— Агентство «Дойл и партнёры», — ответил незнакомый молодой голос.

— Мне нужно, — сказала Меган, — узнать, продаётся ли дом на соседней улице. Любой. Любой дом. Всё равно какой.

Она повесила трубку, не дождавшись ответа. Села рядом с дочерью на ковёр, обняла её, и обе долго молчали, слушая, как за окном шумит дождь.

А где-то очень далеко, в чужой гостиной, чужая колыбельная тихо выводила последнюю строчку, которую раньше никто не знал:

...пока не придёт Хеллоуин.

II. Лечебница Святой Агнессы

Глава 1. Объявление

Лечебницу закрыли в 1987-м. Но свет в окнах третьего этажа по-прежнему горел.

Джоанна Рейес заметила это ещё с шоссе, когда ехала на старой «Хонде» с дребезжащим глушителем сквозь ночной туман. Здание стояло на холме над городком Блэкмур, штат Пенсильвания, огромное, кирпичное, с готическими башенками и ржавыми решётками, и казалось не зданием, а чем-то, что выросло здесь само, как гриб на гнилом пне. На фасаде над входом ещё можно было разобрать выбитые в камне слова: *Лечебница Св. Агнессы для душевнобольных*. Внизу кто-то давно вывел баллончиком: *Они не ушли*.

Ей было двадцать шесть. Ещё полгода назад она работала старшей медсестрой в кардиологическом отделении, носила аккуратный пучок и отличные рекомендации. Потом умерла мать, и счета за хоспис съели все накопления. Потом ушёл Дэвид, сказав, что не может жить с человеком, который постоянно на нервах. Потом больница сократила ставку. А потом ей на глаза попало объявление на стене круглосуточной закусочной, между афишей собачьей выставки и листовкой о пропавшем коте:

«Требуется ночной сторож в частное здание. Три сотни за ночь. Оплата наличными. Опыт работы с пациентами приветствуется. Без вопросов».

Вот эта строчка про пациентов её и зацепила. Она читала объявление три раза подряд. Потом позвонила.

Мужчина на том конце говорил тихо, без интонаций, так, как говорят автоответчики.

— Приезжайте завтра к девяти вечера. Здание на холме. Вы его найдёте.

— Что нужно будет делать?

— Присутствовать. Больше ничего.

— А почему так много за...

— Потому что ночь длинная, — сказал голос и положил трубку.

Он ждал её на крыльце. Высокий, сухой, в длинном чёрном пальто, с лицом, которое невозможно было запомнить: как только Джоанна отводила глаза, черты ускользали, оставляя только общее впечатление бледности и вежливой скуки. Он представился: мистер Холлис. Протянул ей конверт с тремя стодолларовыми купюрами и связку ключей на тяжёлом железном кольце.

— Часть оплаты вперёд, — сказал он. — Остальное утром. Вам нужно запомнить три правила.

Он достал из внутреннего кармана сложенный лист бумаги и вложил ей в руку. Бумага была холодной и чуть влажной, как будто её только что достали из погреба.

— Первое. Не открывайте палату номер девять. Ни при каких обстоятельствах. Даже если услышите, что оттуда просят о помощи. Особенно если услышите.

— Второе. Ровно в три часа ночи включайте музыку в холле. Любую. Громко. Пластинки лежат в шкафу у регистратуры. Проигрыватель работает.

— Третье. — Он помолчал. — Если услышите, что кто-то зовёт вас по имени, отвечайте только на второй раз.

Джоанна нервно усмехнулась.

— А на первый?

Мистер Холлис посмотрел на неё долгим взглядом. В его выцветших глазах мелькнуло что-то, что она не сразу опознала, и когда опознала, ей стало не по себе. Это была жалость. Настоящая, глубокая, как у человека, который отправляет собаку на операцию, зная, что собака не проснётся.

— На первый отвечают те, кому уже не помочь, — сказал он. — Удачной ночи, мисс Рейес.

Он спустился с крыльца, сел в чёрный автомобиль, который она не заметила раньше, и растворился в тумане. Фары не включились. Двигателя она не услышала.

Джоанна осталась одна перед высокой двустворчатой дверью. Ключ подошёл с первой попытки. Замок щёлкнул тихо, почти ласково, будто здание давно привыкло к этому звуку.

Глава 2. Холл

Внутри пахло сыростью, хлоркой и чем-то сладким, медицинским, едва уловимым, как эфир. Свет фонарика выхватывал из тьмы осколки былой жизни: стойку регистрации с облупившейся стеклянной перегородкой, ряды деревянных стульев вдоль стены, стенд с пожелтевшими бланками. На полу блестели лужи, но с потолка ничего не капало.

Холл был огромен: два этажа в высоту, с лестницей, раздваивающейся наверху, и витражным окном, в котором угадывалась фигура святой с опущенной головой. Агнессы. Покровительница девственниц и, как выяснилось много позже, ещё и безумцев.

Джоанна нашла выключатель. Лампы вспыхнули по одной, неохотно, сначала мигая, потом разгораясь жёлтым, как больные зубы. Ей почему-то стало легче. Она прошла по холлу, сняла пальто, повесила на крючок. Заглянула в регистратуру. На столе, под слоем пыли, лежал журнал посещений, раскрытый на странице за 31 октября 1987 года. Последняя запись обрывалась на середине слова.

За стойкой, в шкафу, действительно обнаружились пластинки. Сотни пластинок в выцветших конвертах: Синатра, Эрнест Тубб, Нэт Кинг Коул, детский хор, колыбельные, марши. Проигрыватель, большой, бакелитовый, стоял на отдельном столике посреди холла.

Она проверила время. Девять пятнадцать вечера.

Джоанна не верила в привидения. Не верила, потому что за пять лет работы в больнице видела слишком много смертей, чтобы приписывать им романтику. Мёртвые не возвращались. Они лежали на столах, и санитары накрывали их простынями, и всё. Это была её профессиональная вера, и она держалась за неё, как за поручень в качающемся вагоне.

Поэтому она не побежала назад к машине, когда наверху хлопнула дверь. Не побежала, когда слышала шаги по коридору второго этажа. Она взяла фонарь и решительно пошла осматривать здание, как её, в общем-то, и наняли.

Коридоры были длинными, выложенными кафелем цвета больничной зелени. На стенах висели таблички: «Мужское отделение», «Женское отделение», «Буйные», «Гидротерапия», «Процедурная». Двери палат стояли распахнутыми, и в каждой одно и то же: железная койка с провисшей сеткой, зарешёченное окно, на стене табличка с фамилией и диагнозом. «Мэтьюз, шизофрения». «Альварес, истерия». «Фрэнк, религиозная мания». «Лунд, меланхолия». Диагнозы старые, из тех лет, когда лечили холодом, током и тишиной.

В каждой палате койка была застелена. Аккуратно, по-военному, до последней складки. Словно кто-то перед уходом убирался, прилежно, чтобы не оставлять следов.

На третьем этаже она наткнулась на дверь с цифрой «9». Обычная, деревянная, окрашенная в тот же казённый серо-зелёный цвет, что и остальные. Но возле порога пол был вытерт добела. Кафель стёрся, как ступени старого собора, как порог в храме, к которому тысячи раз подходили на коленях.

Джоанна замерла перед ней. Из-за двери не доносилось ни звука. Только где-то далеко внизу, в холле, часы пробили десять.

Она повернулась и быстро, не оглядываясь, пошла прочь.

Глава 3. Процессия

К полуночи она устроилась в регистратуре с термосом кофе и детективом, которыйхватила из дома. Книгу не читала. Прислушивалась. Здание дышало. Это было единственное

слово, подходящее для его звуков: ровное, глубокое дыхание огромного спящего животного, с долгими паузами между вдохами.

В полночь зазвонил телефон.

Он стоял на стойке, старый, чёрный, дисковый, с витым шнуром, который заканчивался... ничем. Шнур был перерезан. Аккуратный срез, давно потемневший. Телефон звонил громко, пронзительно, настойчиво. Джоанна смотрела на него и чувствовала, как по спине ползёт холод.

Третий звонок. Четвёртый. Десятый.

Она не подошла. Телефон умолк на двадцать втором, так резко, будто кто-то прижал ладонью аппарат.

В час ночи по коридору прошла процессия.

Она услышала её раньше, чем увидела: тихий, ритмичный скрип колёс. Из глубины здания, из левого крыла, выкатывались каталки. Первая, вторая, третья. Они двигались сами, без санитаров, медленно, с торжественной, жуткой неспешностью, ряд за рядом, как похоронный кортеж. На каждой лежал силуэт, накрытый простыней. Простыни были мокрыми. С них капала вода. Тяжёлые, липкие капли шлёпали о кафель, оставляя за процессией длинный блестящий след.

Джоанна вжалась в стену за стойкой, зажав рот ладонью.

Из-под простыней торчали ноги. Босые, посиневшие, с тонкими бирками на больших пальцах. Она сумела прочитать несколько: *Мэтьюз. Альварес. Фрэнк*. Те самые, с табличек на дверях палат.

Память ударила в висок. Гидротерапия. Она проходила об этом на курсах: в начале века, до открытия нейролептиков, пациентов с психозами лечили холодом. Помещали в ледяные ванны на много часов, фиксировали ремнями, накрывали холщовыми простынями, оставляли только голову. Считалось, что холод успокаивает нервы. На деле люди замерзали, теряли сознание, иногда тонули, когда ремни ослабевали.

Процессия миновала холл, повернула к лестнице и стала подниматься, неестественно, без усилия, каталка за каталкой, словно ступени не существовали. Последняя в ряду на секунду замедлилась. Простыня на ней чуть сдвинулась, и Джоанна увидела бледное, посиневшее, юное лицо молодой женщины с закрытыми глазами и мокрыми чёрными волосами. Лицо показалось ей знакомым. Она не успела понять, чем именно, потому что каталка проскрипела дальше.

Когда всё стихло, Джоанна обнаружила, что стоит на коленях, а по щекам течёт что-то горячее. Она не помнила, как заплакала.

Глава 4. Кабинет доктора Кроуэлла

Она заставила себя встать. Руки тряслись, но разум, привыкший к чрезвычайным ситуациям, работал чётко. Ей нужны были ответы. А ответы, как всегда, хранились в бумагах.

Офис главного врача находился на втором этаже, в конце левого крыла. Дверь не была заперта. Внутри пахло старой кожей, табаком и чем-то металлическим. Письменный стол красного дерева, два кожаных кресла, шкаф с книгами. На стене — диплом в рамке: *Доктор Эймс Кроуэлл, главный врач*. Под дипломом висела фотография. Мужчина лет пятидесяти, сухой, подтянутый, с залысинами и выразительными, серьёзными глазами. Он стоял в окружении персонала, человек десять в белых халатах, вытянувшихся в ряд, как на параде. Среди них, в первом ряду, с краю, она увидела молодую медсестру с тугим пучком чёрных волос.

Джоанна поднесла фонарь ближе. Медсестра была почти на её возраст. Худая, строгая, с резкими скулами. Она смотрела в камеру без улыбки, и в этом лице, в этом упрямом взгляде что-то дрогнуло в сознании Джоанны. Она знала это лицо. Каждый день по утрам оно смотрело на неё из зеркала.

Ей стало дурно. Она села в кресло, закрыла глаза, глубоко вдохнула.

«Это совпадение, — сказала она себе. — Просто похожая внешность. Таких женщин тысячи».

В ящике стола лежал журнал дежурств. Она открыла его на последней странице. Записи вёл мелкий аккуратный почерк.

«31 октября 1987 г. Отключение электричества в 22:40. Резервный генератор не запустился. Персонал в составе: д-р Кроуэлл, ст. м/с Ходж, м/с Рейес (ночная смена). Пациентов на гидротерапии: 11. Приняты меры...»

Запись обрывалась. Следующая страница была вырвана.

Джоанна читала фамилию снова и снова. *Рейес*. Рейес. Её фамилия. Её имя, которое она в последний раз видела на бейджике в день увольнения из больницы. Но не *той* больницы. Не этой.

Под журналом лежала папка с надписью красным карандашом: *«31.10.87. Происшествие. Секретно»*. В ней — несколько машинописных листов, фотографии, мятые бланки. Она открыла первую страницу и успела прочесть только одну фразу:

«...одиннадцать пациентов обнаружены утонувшими в ваннах гидротерапии. Дверь отделения оказалась заперта снаружи. Ключ находился у м/с Рейес, которая в момент происшествия покинула пост...»

В этот миг во всём здании погас свет.

Тьма упала плотная, абсолютная. Тишина стала такой глубокой, что Джоанна слышала стук собственной крови в ушах. Потом где-то внизу, очень далеко, в глубине холла, зазвучала музыка. Тихая, старая, с шипением иглы по винилу.

Это была колыбельная. Та самая, которую пела ей мать, когда она была маленькой.

Только заводить граммофон было некому.

Глава 5. Две ночи

Свет вернулся так же внезапно, как исчез. Лампы вспыхнули разом, залив коридор безжалостной жёлтой белизной. Колыбельная смолкла. В здании установилась тишина, но теперь это была иная тишина, настороженная, внимательная, как у зверя, затаившегося в траве.

Джоанна сидела в кабинете доктора Кроуэлла и смотрела на папку, которую не могла дочитать. Страницы, ещё минуту назад лежавшие на столе, исчезли. Осталась только обложка с красной надписью: *Секретно*.

Она проверила часы. 01:52.

Нужно было что-то делать. Уйти? Она представила себе пустую дорогу, ржавую «Хонду», стоящую у крыльца, и вдруг ясно поняла, что не может. Не потому, что боится не заработать. А потому, что где-то глубоко внутри ей хочется узнать. Хочется дочитать. Фамилия Рейес не давала покоя, как заноза.

Она спустилась в холл. Проигрыватель стоял на месте, крышка закрыта, игла покоилась на подставке. Никаких следов того, что он только что играл. Джоанна подошла к шкафу с пластинками, потянулась за первой попавшейся, и тут её накрыл ледяной сквозняк.

За спиной, очень тихо, женский голос позвал:

— Джоанна.

Это был голос матери.

Она узнала бы его в любой толпе, в любом шуме, в любом аду. Мягкий, чуть хрипловатый, с певучей южной растяжкой, которой мать так и не смогла избавиться, даже прожив сорок лет на севере. Голос, который читал ей сказки, ругал за двойки, шептал «всё будет хорошо» в больничной палате, когда рак доедал последние лёгкие.

Джоанна зажала рот обеими руками. Всё её существо рвалось обернуться. Закричать: «Мама!» Броситься в темноту коридора, где голос звучал так близко, так живо, так ласково.

Если услышишь, что кто-то зовёт тебя по имени, отвечай только на второй раз.

Она стиснула зубы так, что хрустнуло в висках. Не отвечай. Не отвечай. Не...

— Джоанна, — повторил голос. — Милая, ну отзовись. Мне так холодно. Я так долго тебя ищу.

Она ответила.

Она не хотела. Но слова вырвались сами, как вырывается вздох из лёгких:

— Я здесь.

Тишина. Потом, медленно, словно кто-то поворачивал огромный механизм, в коридоре третьего этажа, над её головой, щёлкнул замок.

Джоанна подняла глаза. По лестнице, по стенам, по перилам тянулся тёмный, влажный след, как будто кто-то протаскивал по зданию мокрую тряпку. След вёл вверх. К палате девять.

И только тогда до неё дошло, что голос звучал не в холле. Он звучал сверху. Всё это время. Он тянул её, как рыбу на леске, и мистер Холлис знал, что так произойдёт, потому что в его инструкции не было слов «не ходите на голос». Был только порядок, и этот порядок вёл ровно туда, куда нужно было ему.

Глава 6. Дверь

Она поднималась по лестнице, не чувствуя ног. Ступени стонали под подошвами. Влажный след на перилах холодил ладонь. С каждым шагом воздух становился гуще, как в парилке, только пахло не паром, а мокрым деревом и железом.

В коридоре третьего этажа горела единственная лампа. Под ней, посреди пустого пространства, стояло пятно света, а в нём — ничего. Дальше тьма. А в глубине тьмы, на самом конце, белела дверь с цифрой «9».

Она была приоткрыта на ширину ладони.

Из щели лился свет. Неживой, мертвенно-голубой, как от лампы дневного света в морге. И в этом свете, на полу, на выбеленном кафеле, лежал длинный тонкий силуэт: тень человека, стоящего с той стороны.

— Джоанна, — позвал голос. Теперь он был совсем рядом, за дверью. Но это был уже не голос матери. Он стал выше, тоньше, с надрывом. Голос молодой женщины, говорящей с трудом, как человек, который долго молчал.

— Пожалуйста, — прошептали из-за двери. — Мне нужна помощь. Он обманул вас. Он обманывает всех. Откройте.

Джоанна замерла в пяти шагах от порога.

Первое правило: не открывать. Мистер Холлис настаивал, что нужно держаться подальше именно от этой двери. Но тот же Холлис отправил её в здание, где её имя значилось в журнале убийц. Тот же Холлис не сказал, что она тут была.

Любой разумный человек, учуяв ложь, сделал бы одно: развернулся бы и ушёл. Но у Джоанны за плечами была больница. Она знала, что значит слышать мольбу о помощи. Она не могла пройти мимо. Это сидело в ней глубже страха.

Она шагнула вперёд. Положила ладонь на холодное дерево. И толкнула.

Дверь распахнулась без скрипа.

Глава 7. Зеркало

Внутри не было ни кровати, ни окна, ни тумбочки. Комната, голая, квадратная, пустая. Стены обиты серым войлоком, глушащим любой звук. И на дальней стене, от пола до потолка, висело огромное зеркало в тёмной раме.

В зеркале отражалась Джоанна. Но та, которая стояла по ту сторону стекла, была в белом больничном халате до колен. Волосы острижены коротко, неровно. На запястьях широкие кожаные ремни, на лодыжках тоже. Губы потрескались. Под глазами синяки.

Она билась о стекло изнутри. Ладонями, кулаками, лбом. Рот раскрывался в крике, но звука не было, только вибрация, от которой дрожали стёкла в окнах коридора. Она кричала одно слово, и по движению губ можно было прочесть его: *беги*.

Джоанна рванулась назад, но дверь за спиной захлопнулась. Щёлкнул замок. Она ударила в неё плечом, потом ещё, и ещё. Бесполезно.

— Не бойтесь. — Голос шёл из зеркала.

Она медленно обернулась. Та, что была в зеркале, больше не билась о стекло. Она стояла прямо, подняв руки, как человек, показывающий, что безоружен. И когда она заговорила, голос звучал в самой голове Джоанны, глухо, как через воду.

— Меня зовут Эстер Лунд. Я здесь с 1979 года. Пациентка. Диагноз: меланхолия. На самом деле меня закрыли потому, что я видела, чем занимается доктор Кроуэлл.

Джоанна прижалась спиной к двери.

— Вы... призрак?

— Нет, — сказала Эстер. — Это вы призрак.

Мир качнулся. Джоанна слышала собственный смех, короткий, надтреснутый, отчаянный.

— Я жива. Я приехала на машине. Я...

— Вы приезжаете на машине каждую ночь, — мягко сказала Эстер. — Вот уже тридцать восемь лет. Мистер Холлис выдаёт вам ключи и бумагу с правилами. Вы читаете объявление. Вы забываете. Вы снова читаете. Каждый Хеллоуин, ровно в этот день. Вы думаете, что сегодня первая ночь.

— Это... нет. Это неправда. Я работала в кардиологии. У меня умерла мать. Мой бывший...

— вспомните, как зовут вашего бывшего.

— Дэвид.

— Фамилия?

Джоанна открыла рот. И не нашла слов. Имя висело в сознании голым, без фамилии, без лица, без единого воспоминания о том, как они познакомились. Только слово: *Дэвид*. Как заученная реплика.

— Адрес больницы, в которой вы работали?

Пусто.

— Год, в котором умерла ваша мать?

Пусто.

Эстер тихо вздохнула. По её щекам, прозрачным, как стекло, текли беззвучные слёзы.

— Вы не лжёте, Джоанна. Он просто вложил вам в голову набор картинок. Мягкие, удобные, живые воспоминания. Он делает это каждый год. Потому что правда, настоящая правда, вас убьёт. А вы уже мертвы. Так что она вас просто разорвёт.

Глава 8. Ночь 31 октября 1987

Меня привезли сюда в семьдесят девятом, рассказывала Эстер. Двадцать три года, студентка филфака. Родители решили, что я слишком много читаю и слишком мало улыбаюсь. Врач сказал: нервный срыв. Через неделю я перестала понимать, зачем меня держат. Через месяц поняла, что выйти не получится.

Доктор Кроуэлл был блестящим человеком. Это правда. Его лекции печатали в журналах, коллеги ездили к нему за методиками. Но он был ещё и безумцем. Он верил, что души можно *измерять*. Что в момент, когда человек замерзает насмерть, из тела выходит нечто, что можно сфотографировать и изучить. Холод, понимаете. Только холод открывает дверь. Поэтому «гидротерапия» у него никогда не была лечением. Это был эксперимент.

Вы были его лучшей медсестрой. Тихая, исполнительная, аккуратная. Вы не задавали вопросов. Но вы видели, как каждый месяц одного-двух пациентов уносят из ванных палат с простыней на лице. Диагноз: пневмония. Вы подписывали бумаги.

В ту ночь, 31 октября, он собрал сразу одиннадцать человек. Решил провести «массовое исследование» в канун Дня всех святых, когда, как он говорил, завеса тоньше. Вы были на дежурстве. Он приказал вам закрыть отделение снаружи, чтобы никто не вошёл.

В десять сорок вырубил свет. Генератор не заработал, потому что кто-то подрезал кабель. Один из санитаров, старик Мёрфи, на следующий день клялся, что это был сам Кроуэлл, ему нужна была темнота. Одиннадцать человек в ледяной воде, без света, без нянек. И вы с ключом.

Вы стояли под дверью. Слышали крики. Они кричали ваше имя, Джоанна. Каждый. «Рейес! Рейес, откройте! Сестра, ради Бога!» Вы стояли, прижавшись лбом к железной двери, и трясли ключ в руках. Кроуэлл сказал: «Откроете — потеряете работу. Откроете — потеряете всё. Подождите. Через двадцать минут они придут в норму».

Вы ждали двадцать минут.

Когда вы открыли дверь, ванны были полны, а вода — гладкой, как зеркало. Одиннадцать лиц смотрели из-под воды в потолок. Мэтьюз. Альварес. Фрэнк. Хэмлин. Грант. Остальные. Одна молодая женщина, почти девочка, с тёмными волосами, была ещё тёплой.

Вы побежали. Забежали в кладовую на втором этаже, где держали лекарства. Нашли бутылёк. И выпили всё, что в нём было.

Джоанна стояла, прижимаясь спиной к стене, и не дышала. Каждое слово падало на неё, как камень в колодец. Она слышала, как они плюхаются о дно, и вместе с ними с дна поднимались, как пузыри, настоящие воспоминания. Ключ в руке. Железная дверь. Крики. Тёмные волосы под водой.

— Это не может быть, — прошептала она.

— Вы видели её, — тихо сказала Эстер. — Минуту назад, на каталке. Последнюю в ряду. Вы узнали её лицо.

— Это была...

— Это были вы. Вы лежите в ванне вместе с ними, Джоанна. Вы тоже умерли той ночью. Просто чуть позже, и по-другому. Но дом принял вас как свою. Кроуэлл, а он тоже здесь, тоже мёртв, давно, он умер в девяносто четвёртом в соседней лечебнице, и вернулся сюда, потому что ему некуда больше возвращаться, использует вас. Он заставляет вас каждую ночь «охранять» здание. Потому что пока здание охраняется, считается, что оно в рабочем состоянии. Пока оно «в работе», пациенты остаются пациентами. И не могут уйти.

— Зачем ему это?

— Потому что он до сих пор ведёт исследование. Только теперь субъекты — они. Мёртвые. Он хочет понять, что будет, если держать душу в заточении тридцать лет, потом сорок, пятьдесят. Что она станет делать. Как изменится. Кроуэлл не остановится. Он не может.

Джоанна опустила на колени. В груди горело. Слёзы текли обильно, по-детски, и она не вытирала их.

— Что мне делать?

Эстер подняла ладонь и прижала её к стеклу изнутри. Джоанна, не раздумывая, приложила свою с другой стороны. Стекло было ледяным. Но пальцы, подушечка к подушечке, на мгновение совпали.

— То, что вы должны были сделать в ту ночь, — сказала Эстер. — Откройте дверь.

Глава 9. Связка ключей

Дверь девятой палаты не открылась, когда она толкнула её изнутри. Но Эстер сказала: «Ключ у вас». И Джоанна опустила глаза на связку, которую всё это время сжимала в левой руке, не замечая, что пальцы свело судорогой.

На тяжёлом железном кольце висело шесть ключей. Пять из них были обычными, тусклыми, с потёртыми бородками. Шестой, самый маленький, почернел от времени, и на головке его была выдавлена цифра Г.

— Гидротерапия, — сказала Эстер. — Тот самый ключ. Вы нашли его в кармане халата, когда очнулись в первый раз. Он не дал вам забыть его, потому что Кроуэлл не может отнять у вас вину. Вина принадлежит вам. А ключ — это вина в металле.

Джоанна вставила ключ в замок девятой палаты. Он подошёл. Дверь отворилась.

Она выскочила в коридор, прислонилась к стене, хватая ртом воздух. Позади, в комнате без окон, зеркало медленно затуманивалось. Эстер за стеклом поднимала руку, прощаясь. На прощание она беззвучно сказала что-то, что Джоанна поняла по губам: *До рассвета*.

В холле далеко внизу часы пробили два сорок пять.

Она спускалась по лестнице медленно, придерживаясь за перила. Всё тело гудело. Она шла и впервые за много часов чувствовала не страх, а нечто иное: тяжёлое, усталое, будто с плеч наконец сняли груз, который она носила так долго, что перестала замечать.

Теперь она вспоминала всё. Не картинки, подsunутые Холлисом, а настоящее. Запах хлорки на руках. Звук ключа в замке. Лица. Улыбку матери, которая не умирала от рака в хосписе, а умерла давно, когда Джоанне было девять, от обычной пневмонии, и на похороны пришли только соседи. Дэвида, которого не было. Маленький дом на окраине Блэкмура, где она жила одна после смерти матери. Профессиональное одиночество, отточенное до блеска. Единственная привязанность — к человеку, который называл её «лучшей сестрой» и платил ей на двадцать долларов в месяц больше, чем остальным.

Доктор Эймос Кроуэлл. Её наставник. Её бог.

Она добралась до гидротерапевтического отделения. Железная дверь, окрашенная в цвет засохшей крови, стояла в конце коридора первого этажа, за лестницей. В двери было окошко с решёткой. Из него тянуло холодом и запахом тёмной воды.

Джоанна вставила чёрный ключ. Замок щёлкнул. Дверь подалась с тихим вздохом, и из-за неё, как из подземелья, хлынул густой туман.

Глава 10. Одиннадцать

Ванны стояли в два ряда, шесть по левую руку и пять по правую, длинные, эмалированные, с ремнями, свисающими с бортов. Лампа под потолком мигала, то освещая зал бледным светом, то погружая его в темноту. Вода в ваннах была чёрной, зеркально-ровной.

Она шла между рядами. Босиком, потому что туфли остались где-то наверху, она не помнила где. Пол был залит чем-то скользким, холодным, и ступни ломило от холода. Слева и справа в чёрной воде, на глубине, виднелись белёсые пятна. Лица. Одиннадцать лиц, обращённых к потолку, с открытыми глазами и разведёнными в стороны волосами, как водоросли.

В последней ванне, в самой дальней, у стены, лежала девушка с тёмными волосами. Худая, с резкими скулами. В халате медсестры. Подбородок слегка приподнят, как у человека, который упрямо смотрит в небо.

Джоанна остановилась.

Это было её тело.

Она ничего не почувствовала. Ни ужаса, ни отчаяния. Только глубокую, спокойную тоску, будто разглядывала на старой фотографии давно умершего родственника. Она не пошла в кладовую. Она не пила снотворное. Она вернулась в ту ночь к двери и заперла себя там вместе с ними, потому что не смогла жить с мыслью, что осталась в стороне. Сунула ноги в ванну. Села в холодную воду в своём белом халате, и закрыла глаза. И никто, ни один из них, не прогнал её.

— Мы ждали тебя, — произнёс кто-то за спиной.

Она обернулась. Они стояли вокруг неё. Одиннадцать мокрых, бледных, с синими губами и блестящими глазами. Мэтьюз, пожилой, с густой седой бородой. Альварес, женщина с длинными тонкими руками. Фрэнк, толстяк с добрым лицом. Хэмлин. Грант. Остальные. Они стояли молча, с неподвижными лицами, и не было в них ни злобы, ни упрёка.

— Простите меня, — сказала Джоанна. Горло перехватило. — Простите, что не открыла. Он сказал подождать. Я ждала. Я думала, он знает. Я думала... я думала, он врач.

Фрэнк шагнул вперёд. Он протянул руку и положил ладонь ей на плечо. Ладонь была ледяной и тяжёлой, как мокрый камень.

— Ты слышала нас, — сказал он тихо. — Мы знаем. Мы слышали, как ты плакала по ту сторону.

— Я должна была...

— Ты была ребёнком, Джоанна. Он был твоим богом. Бог не ошибается, правда?

Она кивнула, не в силах говорить.

— Откроешь теперь дверь? — спросила Альварес. Её голос шелестел, как листва.

— Какую? Она открыта.

— Не эту, — сказала женщина. — Главную.

Джоанна не сразу поняла. Потом поняла: входная дверь. Та самая, парадная, с выбитой надписью. С тех пор как здание закрылось, она была заперта изнутри. Ключ от неё был у Кроуэлла. Он не терял его, он просто не давал им выйти. Он смотрел, как они стоят в холле и бьются о стекло, и записывал.

— Вы можете пройти сквозь стены, — сказала Джоанна.

— Нет, — ответил Мэтьюз. — Пока здание охраняется, мы не можем. Мы пациенты. Мы под присмотром. Нужно, чтобы кто-то отменил приказ.

— Кто?

Он посмотрел на неё долгим взглядом.

— Тот, кто подписывал их.

В дверях отделения, медленно, как в замедленной съёмке, появился мистер Холлис.

Он стоял, опираясь на трость с серебряным набалдашником, которой у него раньше не было, и в чёрном пальто его угадывались другие очертания. Плечи стали уже, спина прямее, лицо резче. Вместо безликого вежливого Холлиса перед ними стоял высокий, сухой человек лет пятидесяти с залысинами и серьёзными, внимательными глазами. Точь-в-точь как на фотографии в кабинете.

— Мисс Рейес, — сказал доктор Кроуэлл с огорчением, мягко, почти с нежностью. — Вы всё-таки нарушили правила.

— Вы убили их, — сказала она.

— Я их *исследовал*. — Он шагнул вперёд. Тонкие губы дрогнули. — Вы не представляете, как близко я подошёл. Тридцать лет наблюдений, Джоанна. Тридцать лет, и ни одного сбоя. Они здесь, они сохраняют сознание. Это величайшее открытие в истории медицины. Вы разрушаете его из-за сентиментальности.

— Я отменяю ваш приказ, — произнесла она. Голос не дрожал. — Как ваша старшая медсестра. Все пациенты переводятся из-под наблюдения. Дежурство закончено. Здание закрывается.

Кроуэлл замер.

— Вы не имеете права.

— Вы сами дали мне ключи, — сказала Джоанна и подняла связку над головой. — Пять лет вы твердили, что у старшей сестры всегда есть право снять пациента с учёта. Вы забыли, что научили меня этому сами.

Она бросила кольцо ему под ноги.

Тишина длилась ровно секунду. Потом всё здание вздрогнуло, как от удара под дых. Стены задрожали. С потолка посыпалась штукатурка. Одиннадцать теней двинулись разом, без слов, и Кроуэлл, всё ещё сжимающий серебряный набалдашник, попытался отступить. Не смог. Ноги его по щиколотку ушли в чёрную воду, которая каким-то образом разлилась по полу, и по ней, как по льду, двигались мёртвые. Они не нападали. Они просто шли мимо него. Один за другим, молча, спокойно, как люди, наконец отпущенные домой.

Когда последний из них, Фрэнк, поравнялся с доктором, он остановился, наклонился к самому его лицу и тихо сказал:

— Холодно, правда?

Потом все они прошли к парадной двери, и она сама открылась навстречу рассвету.

Глава 11. Конец смены

Утро застало Джоанну на ступенях крыльца. Серое, пронзительно чистое, пахнущее мокрой землёй и дымом. Небо на востоке светлело, окрашиваясь розовым. Ни одной птицы. Ни звука.

Одиннадцать фигур стояли на лужайке перед зданием, в лёгком тумане, и по мере того как свет сгущался, становились всё прозрачнее. Фрэнк поднял руку. Альварес улыбнулась. Мэтьюз кивнул ей, как кивают человеку, с которым долго и непросто работали рядом. Потом они растворились.

Не было ни вспышки, ни звука. Просто на траве, где секунду назад стояли люди, лежал лёгкий иней, который на глазах таял под солнцем.

Джоанна осталась одна.

Она сидела, обхватив колени, и чувствовала странное: облегчение, нежность, пустоту. Внутри больше не было ни страха, ни вины. Была усталость, огромная, как океан. Она вдруг ясно поняла, что ей самой не уйти. Не потому, что её держит дом. Потому что она осталась тем, кем была, старшей сестрой, ночным дежурным, и её смена не закончилась. Она слишком хорошо знала эту работу. Нельзя просто бросить пост, когда понимаешь, что за стеной кто-то ещё остаётся в беде.

За спиной раздался шорох. Она оглянулась. В дверях стоял Кроуэлл. Бледный, ссутулившийся, постаревший сразу на сорок лет. В руках у него не было трости. Он смотрел на неё, как смотрят на человека, который выиграл партию, но потерял доску.

— Вы разрушили всё, — сказал он беззвучно.

— Я закончила смену, — ответила Джоанна.

Он медленно опустился на колени. Потом лёг. Его очертания расплылись, как расплывается чернильное пятно на мокрой бумаге, и спустя минуту на пороге не осталось ничего, кроме пустой серебряной трости.

Джоанна подняла её. Повертела в руках. Потом аккуратно прислонила к дверному косяку.

Наступил день. Блэкмур просыпался. Где-то далеко проехала машина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.